

только хлѣбъ, называемый куличемъ; въ Малороссіи, кромѣ хлѣба или пасхи, приносятъ для освященія жаренаго поросенка, сыръ, яйца, масло, сало и пр. Обычай, существующій у насъ, соблюдается въ Черногоріи и Германіи, и при томъ въ такомъ точно видѣ, какъ и въ нашей Малороссіи *).

ПЕРВЫЙ ХРИСТИАНСКІЙ ХРАМЪ ВЪ АСТРАХАНИ послѣ перенесенія ея съ праваго берега р. Волги на настоящее мѣсто.

(Продолженіе см. № 2, 4 и 7).

Время построенія перваго храма. Установивъ время перенесенія города, не трудно теперь опредѣлить въ точности и время построенія перваго христіанскаго храма въ Астрахани. По указанію Ключаревской рукописи, онъ сооруженъ былъ въ 3-е лѣто по перенесеніи города (стр. 37), значить, въ 1560 году. Не имѣя права этотъ выводъ принимать за несомнѣнную истинну, постараемся, по крайней мѣрѣ, указать на полное согласіе его съ общимъ ходомъ историческихъ событій того времени. А эти событія сложились въ первое время по перенесеніи Астрахани такимъ образомъ, что долго не позволяли воеводѣ снимать съ себя оружія и завѣяться внутреннимъ благоустройствомъ возрождающагося городка. Зимній походъ Девлетъ-Гирея (въ кон. 1558 г.) ясно показалъ всѣмъ, что онъ готовъ на самыя отчаянныя предпріятія, лишь бы только повредить Москвѣ; потому и государь долженъ былъ принимать въ огражденіе себя рѣшительныя мѣры. Въ нач. 1559 г. были отправлены князь Вишневецкій на Донъ, а окольниковъ Данила Адашевъ къ Двѣпру, чтобы промышлять надъ Крымомъ. Самъ царь рѣшился дать Ливонскому ордену перемиріе на нѣскол. мѣсяцевъ (съ марта до ноября 1559 г.) единственно въ тѣхъ видахъ, чтобы сосредоточить всѣ свои силы на усмиреніе Крыма (Ист. Карам. VIII т. 179 стр.) Въ Москвѣ все лѣто ждали хана, дѣлали приготовленія къ его пріему: царь распоряжалъ полки, намѣреваясь самъ выступить въ поле при первой вѣсти (Ист. Солов. VI т. 124 стр.). Астрахань примыкала къ окружности той арены, на которой должны были

*) Подробнѣе см. въ разныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ „Подол. Еп. Вѣд.“, „Кур. Еп. Вѣд.“, „Моск. Вѣд.“ и въ „Новостяхъ“.

происходить кровавыя послѣдствія этого напряженнаго и безпорядочнаго времени, а потому по самому своему положенію не могла оставаться въ сторонѣ совершавшихся событій. Мимо нея продолжали пробираться посланные отъ крымскаго хана къ приволжскимъ татарамъ (Ист. Карам. къ VIII т. пр. 559), конечно, съ приглашеніями къ совмѣстному и единодушному дѣйствованію противъ общаго ихъ врага. Мимо нея же должны были проходить толпы явныхъ и скрытыхъ сторонниковъ хана. Оставаясь вѣрнымъ московскому престолу, астраханское воинство не могло, конечно, бездѣйствовать. Разрушая планы враговъ, ослабляя его постоянными нападеніями, астраханцы, помимо исполненія примаго служебнаго долга, тѣмъ самымъ ограждали и свою собственную безопасность, такъ какъ имъ хорошо было извѣстно, что одною изъ главныхъ причинъ недовольства магометанскаго міра служила сама Астрахань. И Ключаревская рукопись, и подлинно историческія лѣтописныя сказанія не заставляютъ сомнѣваться въ этомъ дѣятельномъ участіи Астрахани въ событіяхъ того времени. Прежде всего воеводѣ *) необходимо было развѣдать, какое направленіе изберетъ въ своемъ движеніи Ногайская орда, перешедшая отъ Измаила на сторону Девлетъ-Гирея. Съ этою цѣлю снаряжается отрядъ стрѣльцовъ, которые, объѣзжая окрестности стараго города (въ 2—3-хъ верстахъ отъ него), поймали пять челоуѣкъ татаръ, посланныхъ, какъ объявилъ подъ пытками одинъ изъ нихъ, отъ Крымскаго хана съ грамотою къ татарамъ астраханскимъ, чтобы они, когда отъ Крыма и горцевъ придутъ войска къ Астрахани, воевали бы за едино и прибылое войско снабжали бы провіантомъ. Узнавши чрезъ того же татарина, что войска ихъ находятся около мѣстечка Моздока, воевода приказалъ своему воинству выйти къ нимъ на встрѣчу, и въ разстояніи 200 верстъ отъ Астрахани, около Бѣлаго озера, между песчаныхъ бугровъ, въ теченіи двухъ часовой битвы положили

*) По приведенному выше свидѣтельству Дженкинсона весною 1558 г. вмѣстѣ съ нимъ отправленъ въ Астрахань новый начальникъ; но кто такой и по какому случаю не извѣстно. Можетъ быть, устроивъ гододъ, Черемисимовъ лично явился въ Москву сообщить обо всемъ царю, или даже вызванъ былъ послѣднимъ, какъ уже испытанный во время похода подъ Казань, а потому болѣе нужный для столицы челоуѣкъ (Ист. Карам. VIII т. пр. 238, 242, 244, 246, 301).

на мѣстѣ всю многочисленную рать, усталую и измученную отъ продолжительнаго пути. Такъ доблестно воевода предупредилъ нападеніе татаръ на свой городокъ. Но только что одержанная блестящая побѣда располагаетъ воеводу не къ надменному торжеству, а скорѣе научаетъ его благоразумной осмотрительности. Овъ теперь узналъ, что опасность можетъ угрожать городу не съ сѣвера только, но и съ юга, а потому силы его должны быть постоянно напряжены. Къ счастью подъ руками его находились тогда два Ногайскихъ князя, на которыхъ воевода могъ вполне полагаться. Это—Урусовъ и Тимбаевъ. *) Перваго воевода посылаетъ къ татарскимъ племенамъ, жившимъ по р. Ахтубѣ и далѣе къ востоку, объявить всѣмъ, чтобы они не слушали князьковъ—измѣнниковъ и не дерзали бы восвать съ русскими, а дали бы на вѣрность русскому царю прежнюю шерть. Тимбаева же съ отрядомъ сборнаго войска посылаетъ къ морю за мочаги, чтобы оберегать южныя границы (Ключар. рук. 5—6 стр.). Для самаго же воеводы открывается новая дѣятельность, менѣе славная, за то болѣе безпокойная. Около 1559 года на Волгѣ появляются разбойническія шайки донскихъ казаковъ. Дерзость ихъ не знаетъ предѣловъ. Нападая на проѣзжающихъ по рѣкѣ иноземныхъ пословъ, грабя купцовъ, они не пропускали мимо и царскую казну (Ист. Карам. къ IX т. пр. 663). Забота о безопасности воднаго пути всею своею тяжестью должна была падать на плечи астраханскаго воеводы, такъ какъ Москва въ это время, какъ извѣстно, была занята болѣе важными дѣлами. **) Трудность встрѣтить

*) Весьма вѣроятно младшіе дѣти Имаила-Урусы и Тимбай (= Чинбай). Старшій сынъ его Тянь-Ахметъ (= Тинехманъ) въ 1563 г. послѣ смерти отца сдѣлался главнымъ начальникомъ Ногайскихъ ордъ. Урусы же и Тимбай упоминаются также въ числѣ самостоятельныхъ князьковъ, къ которымъ царь въ 1564 г. отправлялъ особыхъ пословъ. Къ князю Урусу между прочимъ посланъ былъ въ 1567 г. Семенъ Мальцевъ, поимавшій на обратномъ пути въ станъ Турецкаго войска. Узнавъ объ этомъ лѣтѣ и желая оградить себя отъ гнѣва султана за дружественныя сношенія съ Москвою, Тинахметъ и Урусы отправили посланныхъ заявить Кафиринскому хану, участнику въ походѣ на Астрахань: „гной правдъ хотѣмъ вѣрити, а Кривскому царю вѣрити немочно: недружба у насъ отъ нашихъ роювъ съ его родомъ“ (Ист. Карам. къ IX т. прим: 245, 246, 268). Это ихъ собственное заявленіе о своей непримиримой враждѣ съ Крымомъ, а также постоянное вниманіе къ нимъ государя, а въ послѣдствіи, во время Бориса Годунова (1604 г.), предоставленіе имъ ряду правъ на весь Волжскій уездъ, вмѣстѣ съ тѣмъ дарованіе особыхъ льготъ и освобожденіе отъ всякой пошлины (тѣмже IX т. 49—50 стр.)—все это даетъ полное основаніе признавать за ними ихъ личныя заслуги для Россіи въ тяжелую эпоху крымской неурядицы.

**) Какъ видно изъ путешествій Дженкинсона, астраханскіе начальники по приказанію царя должны были оберегать безопасность плаванія по Волгѣ при помощи военной силы (см. выше прим.).

врага лицомъ къ лицу способна была создать борьбу напряженную и продолжительную, а жизненная важность для Астрахани рѣки Волги не позволяла воеводѣ положить оружіе ранѣе окончательнаго очищенія пути.

Между тѣмъ посланные воеводою князя Тимбаевъ и Урусовъ съ честью исполнили возложенныя на нихъ порученія и чрезъ 8 мѣсяцевъ благополучно возвращаются въ станъ (приблизительно — въ началѣ лѣта 1559 г.), захвативши съ собою нѣкоторыхъ старшинъ для приведенія къ шерти. Узнавъ о возстановленіи среди поволжскаго населенія прежняго спокойствія, воевода немедленно посылаетъ къ царю Іоанну Васильевичу достойнѣйшихъ изъ своихъ воиновъ съ извѣстіемъ, что „Астраханское царство отъ татаръ усмирено, и что на старомъ мѣстѣ г. Астрахани постановлены убійственныя орудія для страха всѣхъ ордъ, какъ-то: висѣлицы, крючки—прицѣплять за ребра, колесовать руки и ноги, бить кнутомъ, дабы, видя сіи страшныя страшилища, татары болѣе не помышляли о покореніи Астрахани.“ Затѣмъ проситъ возобновить городъ на избранномъ имъ бугрѣ, и прислать бы человѣка, святаго монаха, чтобы училъ добру и въ крещеную вѣру загонялъ, какъ разумъ достанетъ. „А какъ городу быть, пишетъ онъ далѣе, я начерталъ. Гдѣ мы живемъ все здорово. На первый разъ лѣса не надо, а рубить подлѣ бугра; его тутъ есть очень много. *Пожалуй царь государь поскорѣ отпусти свое повеленіе!*“ *)

Вѣсть эта доставила царю, безъ сомнѣнія, великую радость, если принять во вниманіе, какъ беспокоило его все лѣто поведеніе крымскаго хана. Появленіе же въ концѣ 1559 г. въ Астрахани дьяка Ивана Григорьева Выродкова, извѣстнаго въ свое время строителя городовъ, **) даетъ полное основаніе пред-

*) Ключаревская рукоп. стр. 6—7. 1559 г. Іюля 10 дня выѣхалъ изъ Астрахани на обратномъ пути въ Москву путешественникъ Дженкинсонъ съ посольствомъ (отъ Бухар. и Бадхскаго хана). Весьма вѣроятно съ нимъ-то и отправленъ были воины отъ астрахан. начальника съ только что поминутымъ донесеніемъ царю, такъ что отрядъ стрѣльцовъ, назначенный для прохода Дженкинсона, проложалъ за-одно и своихъ пословъ.

**) Въ 1551 г., когда задуманъ былъ походъ подъ Казань, Ив. Гр. Выродковъ посланъ царемъ на Волгу въ Угленскій уѣздъ „дѣрвей и города рубити и въ судѣхъ съ воеводами низъ вести“ для постройки г. Свияжска. Въ 1552 г. при взятіи Казани государь поручаетъ ему „промежъ туръ тынъ ставити“. Въ 1556 г. онъ ставилъ городъ въ Галичѣ, а въ томъ 1558 г. участвовалъ въ постройкѣ города съ пристанью при самомъ устьи р. Нарови. Въ декабрѣ же 1559 г. онъ дѣлаетъ разныя сообщенія въ Москву уже изъ г. Астрахани (Исторія Казама, изъ VIII т. прим.: 228, 240, 307, 487, 564 и 587).

полагать, что царь не замедлил исполнить убѣдительную просьбу своего славнаго воеводы. Но если царь поторопился послать въ Астрахань испытаннаго въ возведеніи построекъ челоѣка, то были нѣкоторыя обстоятельства, задержавшія отправку сюда христіанской миссіи теперь же. Появленіе ея въ столицѣ татарскаго края могло показаться охранителямъ мусульманства посягательствомъ на исповѣдуемую ими вѣру, поруганіемъ ея, и вызвать съ ихъ стороны новыя недовольства, — чего никакъ не могли желать Грозный въ виду неожиданно обострившихся отношеній къ нему Ливонскаго ордена. Октября 1559 г., ранѣе назначеннаго для перемирія срока, снова запылала Ливонская война, еще сильнѣе и отчаяннѣе прежняго. Это обстоятельство заставило Иоанна снова сосредоточить все свое вниманіе на западныхъ границахъ, и предоставить Ногайцамъ, Астраханцамъ и казакамъ обезсилить крымскаго хана (Ист. Карам. къ VIII т. пр. 564, Ист. Солов. VI т. 124 стр.).

Астраханское воинство на этотъ разъ участвовало въ походѣ противъ Крымскаго хана въ союзѣ съ Ногайскимъ княземъ Измаиломъ. Сей послѣдній, какъ только водворилось среди его подданныхъ прежнее спокойствіе, отпустилъ на Крымъ своего сына (вѣроятно Тинахмета), чтобы отметить хану и измѣнникамъ — Ногайскимъ мурзамъ. Съ этой Измаиловой ратью изъ Астрахани были посланы еще двое Ногайскихъ князей, (можетъ быть извѣстные уже намъ — Урусовъ и Тимбаевъ), а съ ними и астраханскіе люди. Походъ этотъ увѣнчался блестящими побѣдами. Ободряемое успѣхомъ войско доходило до самаго перекопскаго перешейка, ограбило царевы стада, а самого хана заперли на крымскомъ полуостровѣ; улусы же сторонниковъ хана — Ширинскихъ и другихъ Ногайскихъ князей, повоевали и прогнали за Днѣпръ на Литовскую сторону. Погромъ этотъ такъ напугалъ и обезсилилъ хана, что онъ всю зиму не смѣлъ показываться за рубежемъ своихъ владѣній. Подавляемый совнѣ приливомъ новыхъ и новыхъ ополченій, а внутри страны терзаемый раздорами съ Ногайцами, а также и великимъ голодомъ, ханъ въ январѣ 1560 г. посылаетъ въ Москву гонца съ мирными предложеніями. Не придавая большаго значенія этому вынужденному заискиванію

хана, царь тѣмъ не менѣе получаетъ съ этого времени не только полную возможность располагать всеѣмъ своимъ войскомъ въ борьбѣ съ Ливоніей, но и рѣшается дѣйствовать смѣлѣе по отношенію къ народамъ Прикавказья. Вскорѣ же послѣ мирныхъ предложеній хана царь отправляетъ воеводу своего Вишневецкаго, а съ нимъ и поповъ христіанскихъ, въ Черкесы, чтобы просвѣтить ихъ свѣтомъ Евангельскаго ученія, о чемъ они сами просили царя еще въ сентябрѣ 1559 г. Послѣ того отпускаетъ онъ воеводу Ивана Черемисинова (онъ же Карауловъ) съ товарищами и съ христіанскими попами крестить кабардинскихъ князей, согласно ихъ собственному желанію, заявленному въ декабрѣ 1559 года. Исполняя это новое порученіе, Иванъ Черемисиновъ не могъ миновать Астрахани не только какъ бывший воевода этого города (а можетъ быть и вторично назначенный), но и потому, что на него возложено было, помимо крещенія, оказать кабардинскимъ князьямъ помощь противъ Шевкаль и Тюменя, конечно, при содѣйствіи астраханскихъ стрѣльцовъ (Ист. Карам. къ VIII т. пр.: 415, 564, 565 и 566). Эта остановка христіанской миссіи въ г. Астрахани въ нач. лѣта 1560 г. должна быть весьма знаменательнымъ событіемъ для нея, или, по крайней мѣрѣ, настолько выдающимся, что имъ вполне легко объяснить возникновеніе здѣсь за это время христіанскаго храма, этого перваго шага къ перерожденію нѣкогда татарской Астрахани въ городъ христіанскій. Отсюда вѣра Христова стала утверждаться въ прикаспійскомъ краѣ, а самый городъ—украшаться христіанскими святынями, такъ что сообщеніе Іоанномъ Грознымъ крымскому хану въ 1563 г. о существованіи въ Астрахани христіанскихъ храмовъ можно принимать за весьма достовѣрную истину (Истор. Карам. IX т. 24 стр. *)

(Окончаніе будетъ).

*) Не лишнимъ считаемъ привести здѣсь и позднѣйшій случай посѣщенія г. Астрахани православными пастырями востока, не прошедшаго, думается, безслѣдно для христіанскаго населенія города. Въ ноябрѣ 1564 г. отъ константинопольскаго патріарха пришли къ царю митр. Кизитскій Іоасифъ да старцы св. горы за милостыней. Наградивъ щедро, царь, вѣроятно вслѣдствіе натянутыхъ отношеній съ Крымомъ и султаномъ, отпустилъ ихъ, на Астрахань, да на Черкаскую землю и Грузинскую, а оттуда чрезъ Трапезунтскую" (Ист. Карам. къ IX т. прим. 268).